

АНДРЕЙ ЮРЬЕВ

ШУМЕЛКА МЫШЬ

ВЗБАЛМОШНАЯ,
НЕЖНАЯ,
СМЕШНАЯ

Андрей Юрьев

**Шумелка мышь. Взбалмошная,
нежная, смешная**

«Издательские решения»

Юрьев А.

Шумелка мышь. Взбалмошная, нежная, смешная / А. Юрьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968127-0

Главная героиня, Мышь, особа романтическая и не слишком приспособленная к жизни, страдает от нападок тараканов. Случайная встреча с паучком Хьюго, который мучается от дурных предчувствий в преддверии свадьбы с черной вдовой, подталкивает обоих к решению проблем друг друга. На пути воплощения плана друзей ждут веселые и забавные приключения и незабываемые встречи.

ISBN 978-5-44-968127-0

© Юрьев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
МЫШЬ И ТАРАКАНЫ	6
Глава 2	7
БИТВА ЗА ХЛЕБ	7
Глава 3	9
Глава 4	12
ПЛАН	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Шумелка мышь Взбалмошная, нежная, смешная

Андрей Юрьев

© Андрей Юрьев, 2019

ISBN 978-5-4496-8127-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

МЫШЬ И ТАРАКАНЫ

Вечерами тараканы дышали дихлофосом. Они начинали шуметь и буянить. Мышь нахлобучивала подушку на голову и пыталась заснуть. Она не хотела ругаться и выяснять отношения ни с тараканами, ни с любыми другими ползучими или пикирующими гадами. Мышь была глубоко воспитанной и неумеренно романтической особой. Она не без основания считала себя голубых кровей и не желала иметь ничего общего с подобными типами. Единственные живые души, с кем Мышь любила калякать и пить чай с печеньем – молодая семейная пара Ян и Жане. Голуби. Они жили в собственной голубятне на крыше дома у городской Ратуши. Для тех, у кого есть крылья – несколько километров не расстояние, так что они часто гостили у нее.

Мышь была единственным представителем грызунов в доме. В нем она прожила достаточно лет, чтобы называть своим. Кроме нее здесь, впрочем, обитали девятнадцать ящерок, две собаки и один старый и совершенно равнодушный кот. Никто из выше перечисленных созданий не причинял ей столько неудобств и мигреней, как тараканы. Эти циничные и неугомонные твари все время крутились возле Мыши и разными способами выводили ее из тщательно поддерживаемого умиротворенно-блаженного состояния.

Обычно тараканы пикетировали на нее с потолка, а затем, отбежав на порядочное расстояние, равное в среднем двадцати пяти их корпусам, показывали языки, транспаранты с намазанными гадостями, плевались и дразнились. Мышь старалась не обращать внимания на их пакости. Но все же, когда они особо ее доставали, не без уничтожающей гордости поворачивала голову к наиболее беснующимся из них и тихо говорила: – Титьки тараканьи, как же я вас презираю! Это действие имело ошеломляюще убийственный эффект. Обидчики начинали мелко трястись и хлопать друг друга по плечам, держась за брюшко. На глаза их наворачивались крупные, как жемчужины, слезы и, в конце концов, они валились на жесткие спинки и активно агонировали.

Мышь, будучи пацифистом от рождения и гуманистом по призванию, не могла без боли смотреть на их страдания. Сдерживая слезы, она уходила к себе в комнату, где от души предавалась самокопанию и хандре.

В такие минуты, ее могли спасти от неминуемой душевной гибели только хорошая книга или друзья. Поскольку хорошие книги давно перестали печатать, Ян и Жане отпаивали ее крепким красным чаем с сырными печеньюшками и рассказывали всегда одну и ту же ужасно смешную историю о свинье, которая убежала в лес и стала там жить с кабанами. Постепенно, под пристальным вниманием друзей, Мышь приходила в себя и часто находила там утешение.

Глава 2

БИТВА ЗА ХЛЕБ

Как-то под вечер, Мышь выглянула из комнаты, как из норки и, после недолгого осмотра, с облегчением выдохнула 12 миллилитров углекислого газа из легких. Тараканов поблизости не было.

– Подлые твари, когда же вы оставите меня в покое?! – крикнула она в тревожную пустоту и, трясясь от ужаса, засеменила к буфету за вечерним перекусом. Примерно в трех метрах от заветной кормушки, с Мышью чуть не случился апоплексический удар, ну, в общем, она чуть гикнулась. Краем глаза Мышь заметила движение сверху, черная тень накрыла ее затрясавшись от ужаса тельце.

– Сова! – крикнул кто-то в ее мозгу и упал в обморок. По крайней мере, этот «Кто-то» тут же перестал орать и больше не подавал признаков жизни до следующего утра. Невелика потеря. Но Мышь не собиралась уподобляться неженке «Кому-то» и становиться легкой добычей кровожадных хищников.

– Подлый трус, – выдохнула она и разъяренной тигрицей бросилась навстречу опасности. . . . Давным-давно, во времена молодости и бесшабашности, Мышь прошла Королевские курсы обороны от хищников. На выпускном экзамене присутствовала Королевская семья и Мышь, вдохновленная посещением таких высокопоставленных особ, с удивительной для ее тщедушного тела ловкостью и быстротой, отгрызла голову чучелу кошки. За что заслужила восхищение и почетное обнюхивание Его Королевским Величеством Серохво Двенадцатым.

Теперь все это осталось в прошлом, подернулось плесенью и заросло бурьяном. Единственным приемом самообороны, который могла вспомнить Мышь, оставался, так называемый, «первый отважный». Он заключался в том, что обороняющийся плотно зажмуривал глаза и мчался на врага, нанося ему смертельные раны когтями и клыками.

– Не так уж и плохо, – подумала Мышь, встала в боевую стойку, тщательно зажмурилась и с устрашающим писком ринулась на врага.

Следующие несколько секунд, показавшиеся вечностью, прошли в ожесточенной борьбе. Хотя первая же атака достигла цели, Мышь, как ни старалась, не могла найти у противника ни голову, ни на худой конец, кончик хвоста. Хищник никак не хотел истекать кровью, да и пахло от него странно, не по-звериному, хотя и довольно гнусно. Поведение его показалось крайне подозрительным.

– Что за чертовщина? – удивилась Мышь, ослабляя хватку.

В тот же миг она услышала рядом с собой до отвращения знакомое хихиканье. Страшная догадка мелькнула в голове. Все еще сжимая клыками вражескую шкуру, Мышь открыла глаза и писк отчаянья вырвался из ее груди. То, что она приняла за смертоносного хищника, с кем билась не на жизнь, а на смерть, оказалось обыкновенным, хотя и довольно грязным, человеческим шерстяным носком! Спазмы стыда и ярости бросили ее на колени. Ей хотелось исчезнуть, раствориться, умереть!

Когда унижительный, оглушающий шок прошел и Мышь обрела возможность видеть и слышать, сквозь слезы унижения и кровной обиды, она увидела десятки тараканов всех мастей, окруживших ее. Конечно же, это все подстроили они – злобные, не знающие стыда и чести, подлые отродья породы насекомых – тараканы. Больше всех бесновались несколько молоденьких тараканов. У одного из них за плечами на тонкой веревке висел старый помятый саксофон.

– Я отомщу... Я вам так отомщу, что вы пожалеете! – сквозь слезы прокричала Мышь. В ее голове созрел план.

Глава 3

Таракан-Джаз.

Дихлофос – убойная штука. Не дай бог вам попасть под его струю. Дихлофосный дождь в мгновение ока покрывает тело миллионом мелких маслянистых капель. Они забьют нос и рот, не давая вздохнуть. Убивает быстро и болезненно.

Фрай видел, как уходил его дядя, старый Хлы. Это было страшно. Дядя приполз в тот вечер к порогу их дома и скончался прямо там в ужасных мучениях. Перед самой смертью, глаза его, уже закатившиеся, вдруг открылись, и в них вспыхнул огонь. Дядя подпрыгнул на всех шести лапках в воздух и с диким криком помчался, не разбирая дороги. Казалось, в него вселился демон. На пятом безумном кругу дядя со всей силы ткнулся головой в крыльцо в пяти шагах от окаменевшего Фрая. Затих. На крик прибежали взрослые. Мать увела рыдающего Фрая в дом, и все сделали вид, что ничего не случилось. Полгода назад он узнал, что дихлофос не только убивает.

– Эй, Фрай! – прошептал таракан из их дома. Кажется, его звали Слич. Он поднимался по лестнице навстречу и выглядел загадочно, – Будешь фос?

– Что это?

Слич хитро улыбнулся и достал из-за спины крохотный пузырек с желтой тягучей жидкостью: – Это фос, – сказал так, будто держал в руках эликсир вечной жизни.

Фрай проникся, но все равно ничего не понял.

– Не знаю я никакого фоса, – сказал он, – Дай пройти.

– Фос, фос... дихлофос, – прошептал Слич и встряхнул пузырек перед лицом Фрая, – Нужно капнуть на кусок тряпки и вдыхать. Улет, братан!

Поторговались. Через десять минут пузырек с фосом был у Фрая. В тот вечер мир крутанулся и лопнул перед его глазами. Так дихлофос второй раз вошел в жизнь Фрая.

Теперь только фос и джаз. А остальное пусть катится ко всем чертям! Училище с его тупым директором, нудные родители, соседи, да и весь клан с верховным жрецом. С этими их тупыми обрядами и правилами. С великой историей и гордостью рода тараканов, великого и вечного. Чертовы тюремщики!

Джаз и Фос. Фос и Джаз. Оба с большой буквы. Потому что стоят того. Фос во время Джаза. Джаз на фоне Фоса. Любая комбинация удивительна и неповторима.

– Пусть я сгорю в фосовом угаре, на гребне джазовой импровизации, чем буду коптить небо, как мои старики, – думал Фрай.

Дядя Хлы указал единственно приемлемый путь, когда откинулся в их дворе с закипающими от дихлофоса мозгами. Пусть все оплакивают его брэнное хитиновое тело, но Фрай заметил, как хорошо тому было в последние мгновения ускользящей жизни. Дихлофос жестоко убил дядю Хлы, но Фос подарил его никчемной жизни неожиданный сияющий смысл. По крайней мере, в глазах племянника.

Сегодня Фоса больше, чем Джаза. Намного больше. Их джаз банда репетирует уже больше часа, но становится только хуже. Кажется, даже стены кабака, где они играют по вечерам и репетируют днем, содрогаются от фальши. Их приятели, вечные последователи и помощники Том и Йен сидят у импровизированной сцены с кислыми лицами, потягивают пиво. Скусают. Гавана – болотного цвета краской написано на покосившейся вывеске над входом. Хуже места не придумаешь. Отстойник. Так называют его любители джаза. Только из-за музыки сюда и ходят. Ну не ради же разбавленного пойла, что здесь называется пивом? Сегодня музыка нестройным потоком вываливается из полуоткрытого мутного окошка и умирает на грязном тротуаре. Незаметно для спешащих по своим делам прохожих.

В жилах Фрая горит огонь. Фос пожирает его изнутри, и так будет продолжаться еще не меньше трех часов. Проверено. Пальцы плохо слушаются, а саксофон кажется чем-то чужеродным и неестественным, как стетоскоп в лапах кровельщика.

– Может все же пора завязывать? – пронеслось в мозгу Фрая.

Он вел музыкальную тему, и время от времени морщился, как от зубной боли. Грос, его лучший друг был просто невменяем. Он колотил по барабанам так, словно хотел покончить с ними раз и навсегда. Те жалобно ухали, а тарелки возмущенно цыкали и угрожающе звенели, когда он прикладывался по ним после сбивок. Что касается ритма, тот плавал, как только что народившийся утенок, темп то резко ускорялся, то замедлялся. В какие-то моменты казалось, что еще немного и все совсем остановится. Их самый веселый и легкий номер «Поддай, малышка, жару!» на глазах превращался в похоронный марш. Ланг, их контрабасист, вечно немного сонный и заторможенный тип, удивленно посмотрел на Фрая. В его глазах читалось сразу двенадцать вопросов. Вот только три из них: – Какого лютика здесь происходит? Как мы будем играть вечером на публике? Где тут выход?

В конце второго куплета Грос закатил глаза и выдал длинную, как автоматная очередь дробь. В конце автомат заело, и дробь рассыпалась. Тут-то терпение Фрая и закончилось. Внутри он уже давно закипал, как чайник на плите, но теперь крышку сбило струей пара и Фрая прорвало. Он отнял саксофон от губ и, не глядя, кинул вниз, на плюшевый диванчик. Схватил со стола метроном в ореховом футляре и метнул в Гроса.

Тот даже не дернулся. Бум! Во все стороны полетели обломки! Его счастье, что Фрай промахнулся. Метроном ударился о стену в паре сантиметров от головы Гросса с такой силой, что посыпалась штукатурка. Что, впрочем, немудрено, учитывая ветхость Гаваны. Музыка оборвалась и в полнейшую тишину птичьим щебетом вплелись голоса поваров на кухне. А потом все взорвалось еще раз!

– Какого черта! – взревел Грос, выскакывая из-за барабанной установки, как чертик из табакерки. Цзвень! Это упала на пол тарелка. Бэм! Это покотился по полу барабан. Тики-трики! Это Грос швырнул в сторону барабанные палочки. У всех просто челюсти отпали! Таким они добряка Гроса еще не видели. Глаза красные, огромные. Ноздри раздуваются и грудь ходуном. Разве, что пена изо рта не пошла для полноты картины. Ну просто бык, а не таракан! Дальше больше. Не теряя ни секунды, одним прыжком Грос налетел на Фрая. С диким воплем обрушил град ударов на лучшего друга. Тот, надо отметить, в долгу не остался. Ох, и сцепились же они, и пошла битва! Ланг отставил контрабас в сторону, и попытался было разнять друзей, но куда там! Его закрутило и отшвырнуло в угол. А Том и Йен так и остались сидеть со своим кислым пивом и отвисшими до пола челюстями.

Тем временем Грос и Фрай в одном лягающемся, кусающемся и шипящем клубке прокатились по кабаку, сметая все на своем пути. Грохот стоял невероятный. Во все стороны разлетались столы, стулья и приборы. Казалось, наступил последний день Гаваны, и все кончится тем, что рухнет крыша.

На счастье или на беду в тот день в заведение заглянул его владелец, пит бультерьер Лаки, бывший боевой пес и любимец публики, вложивший все деньги в Гавану, когда она еще была приличным местом. Лаки сидел в своем кабинете, с тоской глядя в пустой сейф, когда услышал жуткий шум из зала. Он изумленно повел ушами и зарычал.

– Не рановато для веселья?

В то же мгновение что-то с грохотом ударило в дверь кабинета, и раздался вопль Фрая.

– Чертовы тараканишки! – взревел Лаки и пулей вылетел в зал. Они его доконали! Играть толком не могут, а туда же – подай им жалованье, да еще и пиво налей! Теперь еще и драку устроили!

Выскочил в зал, а там такой бедлам, что хоть волком вой! Драка уже перенеслась к кухне. В окружении obsługi тараканы из джаз банды мутузили друг дружку почем зря. Официанты уже ставки начали делать на исход драки.

– Ах вы, мелкие твари! – взревел хозяин Гаваны, бросаясь в эпицентр сражения.

Первым на улицу вылетел Гросс, потом Фрай. Следом прилетел Ланг в обнимку с контрабасом, и не особо упирающиеся Том и Йен. Все приземлились в огромную грязную лужу посреди булыжной мостовой. Вокруг тут же столпились хихикающие прохожие. Через минуту дверь снова отворилась, и в проеме показался Лаки с инструментами в обеих лапах.

– Саксофон не кидай! – только и успел крикнуть Фрай. Поздно. И саксофон и тарелки полетели в лужу. Хорошо хоть не прибили никого. Булькнулись рядом с тараканами, окатив их волной зловонной жижи.

– И чтобы я вас здесь больше не видел! – прорычал Лаки и так сильно хлопнул дверью, что вывеска покачнулась, и чуть не свалилась на крыльцо.

– Вот урод! – сказал Фрай, выливая из саксофона воду. По колено в грязи он был похож на чертика.

– Урод... – согласился Гросс. Отряхнулся и, потащил из грязи тарелки и барабан.

– Накрылась наша музыка, – сказал Ланг.

– А знаете, как можно сейчас повеселиться? – сказал Фрай, прищурившись.

– Подпалить этот сарай? – предположил Гросс, кивая на Гавану.

– Не угадал.

– Закинуться еще Фосом?

– К черту Фос! Давайте лучше навестим старушку Мышь!

Глава 4

ПЛАН

Последние три дня Мышь была сама не своя. Бродила по комнатам и трогала себя. Проходя мимо зеркала, смотрелась в него и бурчала: – Своя я, или не своя я? Из головы не шел треклятый носок и унижение, испытанное по милости тараканов.

За вечерним чаем в пятницу она сказала: – Я этого так не оставлю! Уж я отомщу! – тяжело вздохнула, – Были бы они покрупнее – я бы наподдала им под зад. А так, что с них взять, с мелочи пузатой?

– Забудь, – сказал Ян и отхлебнул чай, аккуратно держа чашку. Посредине нее черной змейкой ползла трещина, и Ян опасался, что она может расколоться, окатив его горячим напитком, – Ты должна быть выше, – он взмахнул крылом, – Кто ты и кто они?

– Кстати, а кто они? – встрепенулась Жане, и пятое за вечер сизое перышко опустилось на дощатый пол.

– Тараканы, – ответила Мышь и попыталась себя обнять.

– Ах, тараканы... С удовольствием бы проучила парочку дождевых червей.. А этих – увольте. Не вкусные. И хрустят противно, когда их клюешь. Я ведь ненавижу чипсы, да дорогой?

– Любимая, пей чай, пока не остыл, – Ян поболтал ложкой, рискуя расколоть чашку, и незаметно затолкал перышко под кровать. – Пойми, наконец, – сказал он, драматично протягивая крыло в сторону Мыши, – Они такие, какие есть. К тому же, тараканы, любишь ты их или нет – важная часть сообщества. Они вполне, так сказать... Они.. это... нужны, да и все! Ян не смог придумать, зачем же так необходимы тараканы и от этого раздражение его достигло предельной точки. Он глянул на Мышь, пытающуюся обнять себя покрепче, потом на Жане. Та удивленно изучала орнамент на выцветшей скатерти. Ян хотел добавить что-нибудь умное, но не придумал и, нахохлившись, замолчал. Часы пробили восемь.

– Пойми, Ян, не могу я спустить им это с рук. Или что там у них? – сказала Мышь и откусила здоровенный кусок имбирного пряника, – Я обязана отомстить. В моей голове даже созрел план. Но, – Мышь тяжело вздохнула, – Я его забыла...

– Милочка – проворковала Жане, – не обращай на них внимания. Игнорируй, и они оставят тебя в покое.

Ближе к ночи Мышь устала думать о своей обиде, о тараканах и о том, как им отомстить. В голове гудело, в душе шел затяжной ливень.

– Да идет оно все полем! – сказала Мышь, глядя на свое отражение в зеркале. Показала язык, – Постараюсь с ними не встречаться, – И бухнулась на кровать.

Пробираясь на следующее утро сквозь обрывки снов, Мышь потянулась и с хрустом пошевелила когтями. В ее мозгу мурлыкал хит позапрошлого лета, и мир не казался таким мрачным, как накануне.

– Поваляюсь еще минут двадцать, – прошептала Мышь и засунула подушку между колен. На душе легко, когда можно позволить себе не думать о делах. Хит позапрошлого лета искусно сменился старой маминой колыбельной, и Мышь провалилась в сладкую вату сна...

– А ну встать! Тоже мне разлеглась здесь!

Мышь в ужасе соскочила с кровати и попыталась выпрыгнуть в окно. Зацепилась ночнушкой и чуть не грохнулась на пол. Зажмурилась крепко и в отчаянии закрыла голову руками.

– Как ты можешь спать, когда они издеваются над тобой! – раздался грозный писк. Он показался ей знакомым и начал будить давно уснувшие воспоминания. Те отбрыкивались

и зевали, но потихоньку картина вырисовывалась. Детство, большая семейная гостиная, запах одуванчиковой трубки...

– Дедушка? – она разожмурила глаза и в недоумении уставилась на огромную старую мышь в красном расшитом золотой нитью халате.

– Сколько нужно тебе повторять! Ты должна уметь постоять за себя! – Старик размахивал руками, словно дирижировал оркестром. Глаза грозно сверкали.

– Вот вырастешь и некому будет о тебе позаботиться. Куда побежишь за помощью, когда мы с твоей бабушкой ляжем в могилу?

– Дедушка, я уже выросла...

– Тем более я не позволю, чтобы тобой помыкали!

– А ты... ведь ты уже...

– Умер? – закончил за нее дедушка, – Ну да... Я все время об этом забываю, черт его дери! – Дед откинул одеяло и край простыни, и грузно сел на кровать.

– А как же...?

– Да ты не волнуйся, малышка – сказал дедушка, и в руке его волшебным образом задымилась трубка. Она возникла словно из воздуха. По комнате поплыл пряный запах табака. – Это твой сон. Ты хотела меня видеть. Вот я и пришел. Но я все знаю! – он выпустил струйку дыма через левую ноздрю, – Ты не должна позволять всякому сброду издеваться над собой! Никогда и никому, слышишь, не спускай обиды! Достань обидчика из-под земли, пройди ад в погоне за ним, поднимись на самую высокую скалу, но отомсти! Иначе, имя тебе – слабак, и шкура твоя лишь коврик для вытирания ног! Ты поняла меня?

– Но что же мне делать, дедушка?

– Ты должна проучить их. Раз и навсегда отбить у них охоту связываться с тобой. Добейся уважения!

– Но как?

– Тут я тебе не помощник, детка. Я ведь не настоящий...

С этими словами дедушка растворился в воздухе, оставив вмятину на кровати и клубящийся сизый дым.

Завтрак прошел отвратительно. Тосты подгорели, а яйца получились всмятку, и Мышь отправила их в помойку. Оттуда они не вернулись. А Мышь снова была не в себе и копалась в дедушкиных словах.

– Легко ему поучать, – думала Мышь вслух, качаясь в старом ивовом кресле, – сам-то, небось, отставной генерал! Может и сабелькой оттянуть. А что могу я? И кто за меня заступится? – крупные жемчужины слез покатались из глаз и застучали по полу.

– Растворился в воздухе, как ни в чем ни бывало, именно в тот момент, когда должен был сказать самое важное, – она с досадой швырнула книжку, которую пыталась читать последние два месяца, да так и не продвинулась дальше первой главы. Книга называлась «На пруду квакали». В прошлом году она получила главную литературную премию. Читать ее было невозможно. Книга пролетела через всю комнату, трепеща страницами, как утка-мандаринка крыльями и нырнула в буфет.

– Вот и поквакай теперь там! – презрительно прошипела Мышь и вернулась к своему горю. Просто наказание! У всех лето в самом разгаре, а Мышь бродит по комнатам и ничего ей не в радость. Надо бы отомстить, а в голову ничего не идет. Даже вкуснейшие ореховые эклеры. Спасти день мог лишь здоровый послеобеденный сон. Поэтому она набила животик и шаркающей походкой подошла к кровати. Тут она весьма талантливо изобразила смятение и упала в обморок. Матрасные пружины легонько звякнули и надлежащим образом прогнулись под практически невесомым телом.

– Ах, граф! – пробормотала Мышь, прикрывая глаза рукой, – теперь я навеки ваша и ничто не в силах... – Голос стремительно становился тише, а слова неразборчивей и вот

комнату наполнил мелодичный, деликатный храп. Все застыло в голове Мыши и так же тихо было в спальне, залитой тусклым багровым светом гардин, сквозь которые не могло пробиться солнце. Над грубыми деревянными половицами танцевали причудливый танец крохотные пылинки, а под потолком на тонкой нити висел паук. Его звали Хьюго и он хандрил. В горькой задумчивости он отпускал нить и летел кувырком в свободном парении. В считанных сантиметрах от земли резко тормозил, поднимался неторопливо к потолку и снова падал вниз. Это странное занятие хоть как-то отвлекало от горьких дум. Хьюго надлежало жениться через две недели. Его паучье семейство пребывало в предвкушении, а невеста, звали ее Блэки, была до неприличия счастлива. Она с упоением занималась приготовлениями к свадьбе, больше ее ничего не волновало. Хьюго не разделял всеобщего ликования. Хотел бы, но не мог. В груди словно старая ржавая пружина сжалась. Страшная загадка и обидное разочарование съедали его заживо. Ведь он представлял себе свадьбу по другому. В его груди билось большое и чувственное сердце. Хьюго всегда ждал этого события. Он мечтал быть любимым и дарить любовь. Но все, что он чувствовал в преддверии свадьбы – ужас и разочарование. Хьюго посмотрел вверх и дотронулся мохнатой лапкой до испещренного трещинками потолка. Сухой и прохладный.

– Бред какой-то, – подумал Хьюго и отпустил нить. Комната завертелась перед глазами, сливаясь в пестрый багровый шар. Еще одно мгновение... Земля стремительно летела ему навстречу и в этом хаотичном движении не думалось ни о свадьбе и вообще ни о чем. Пора. Дальше нельзя. Лапы схватили нить и все-таки он пропустил момент невозвращения! Всего-то мизерная доля секунды, а уже не ничего не исправить...

Бум! Хьюго рухнул прямо на кровать в ногах у Мыши, юркнул под одеяло и застыл в ужасе.

– Кто здесь? – встрепенулась Мышь и приподнялась, опираясь на локоть. Отдернула одеяло, и резкий свистящий визг резанул по ушам. От неожиданности Мышь подпрыгнула, ее встряхнуло и отбросило к изголовью, словно взрывной волной. Шерсть встала дыбом, а нижняя челюсть отвалилась. На противоположном конце кровати не сводил с нее глаз и визжал мохнатый клубок со множеством противных тонких ножек. Со сна он показался ей огромным и зловещим.

– Сейчас сожрет, – подумала Мышь и приготовилась умирать.

Однако чудовище не спешило покончить с ней. Оно продолжало истерично визжать. Да так, что штукатурка посыпалась с потолка. Мышь и визжалка сидели друг напротив друга и ничего ровным счетом не происходило. Даже тон и громкость визга не менялись. По мере того, как сон покидал Мышь, чудовище уменьшалось в размерах и становилось все менее зловещим и все более жалким. Но визг начинал действовать на нервы.

– Эй, малыш, – наконец решилась Мышь, силясь перекричать визжалку, – Может хватит? Ответа не последовало.

– Ты что, боишься меня? – как можно ласковее спросила Мышь и слегка подвинулась к визжалке. В глазах существа отчаянный ужас сменился на крайнюю степень удивления.

– Ты ведь паучок? Правда? Такой большой и лохматый. Не мудрено, что я испугалась, когда тебя увидела, – Мышь еще немного продвинулась по кровати. Паук перестал визжать, и тишина резанула по ушам, словно нож по стеклянному столу.

– Не приближайся, – выдавил он хрипло.

– Ладно, – сказала Мышь, – Хорошо уже, что ты перестал визжать, – она подтянула подушку и устроилась на ней поудобнее, не сводя взгляда с паука. – Теперь расскажи, почему ты так визжал?

– Ну... – промямлил паук, отодвигаясь подальше, – Ты же мышь.

На пути встала деревянная дужка кровати. Паук вжался в нее и замер с таким видом, что стало понятно – живым не дастся.

– Ладно, я – мышь. И?

Паук молчал.

– Ну почему ты так боишься? – теряя терпение, спросила Мышь.

– Ты меня съешь, – наконец выдавил паук.

– Я тебя? Съем? – Мышь расхохоталась и откинулась на подушку, – Ты хоть видел себя в зеркале? Ты огромный мохнатый противный паучище. Если уж на то пошло, я решила, что мне конец, когда ты шлепнулся в кровать! Кто дал тебе такое право? – прикрикнула она и погрозила пальцем.

– Пф, – сказал паук.

– А когда я увидела эти бешеные глаза? А твой чертов визг? Как прикажешь это понимать?

– Ты ведь мышь?

– Ты и в этом сомневаешься, глупая визжалка?! Я – мышь и горжусь этим! Прошу заметить, в моих жилах течет аристократическая кровь! Возможно голубая, – Мышь подпрыгнула на кровати и сделала изящный реверанс.

Паук скрипнул зубами и закопошился. Попытался залезть под простыню.

– Не получится, – констатировала Мышь, – Она на резинке.

Мышь снова села на подушку и продолжила переговоры, – Слушай, дружок, я не стану тебя есть. Ни сейчас, ни завтра, ни потом. Давай нормально поговорим...

– Ага, – пробурчал паук, – Ты мышь, значит должна меня съесть.

– Заладил одно и тоже! – Мышь устроилась на подушке по-турецки.

– Все это знают. Мыши едят насекомых. Значит, ты должна меня съесть. Теперь понятно?

– Звучит логично, – проникаясь симпатией, сказала Мышь, – только есть одно «но», – следующую тираду она буквально прокричала в лицо пауку, – Я не ем насекомых! – И ткнула пальцем в его сторону, словно обвинитель на суде, произносящий последнее слово.

Паук зашипел и затаился. А Мышь опустила руку и посмотрела на него долгим материнским взглядом, в котором было намешано все – нерастраченная любовь, понимание, столовая ложка нежности и щепотка грусти.

– Как тебя зовут, малыш? – наконец спросила она тихо.

Паук помолчал, покрутил немного глазами и пробормотал что-то под нос.

– Громче, пищалка!

– Хьюго...

– Послушай, Хьюго и запомни навсегда. Я, Мышь, не ем ни пауков, ни бабочек, ни тараканов... – Мышь резко замолчала на полуслове и подняла глаза в потолок. На долгое время в комнате воцарилась тишина. Хьюго вглядывался в лицо Мыши и пытался понять, о чем же она думает. За четыре с половиной минуты молчания на нем отразились пять оттенков отчаяния, смешанных с острым удивлением, сосредоточенная задумчивость, заправленная предвкушением успеха, задрапированная скепсисом надежда, затем расцветающая под лучами раздумий тихая радость и, наконец уверенный в своих силах и предназначении триумф.

С этим редким в наших широтах выражением на лице Мышь наклонилась к Хьюго и тихо, но твердо сказала: – Вот теперь, дедуля, у меня и вправду есть план.

Странно, но паук не отшатнулся от Мыши, как он делал, движимый инстинктом, раньше. Он застенчиво улыбнулся и хрипло спросил: – Почему ты назвала меня дедулей?

– Забудь, – ответила Мышь, – Мы сейчас с тобой пойдем пить чай, и ты мне все расскажешь.

Так они и сделали и просидели за кухонным столом до самого вечера. Пили приторный от меда чай, общались. Мышь рассказала о визите дедушки, о проклятых тараканах, которые не дают спокойно жить, о душевных метаниях, мучивших ее в последние дни, а скорее даже недели, если не месяцы. Хьюго поведал о невесте, о том, как они познакомились в семь-

десять третьем углу (если считать по часовой стрелке от спальни Мыши) под самой крышей их дома и как он сразу же понял – Блэки его половинка. И пусть она чужестранка, попавшая в город с грузом древесины на корабле из Северной Америки. Это не имеет значения. Так бывает, встречаешь кого-то и словно тысячу лет уже знаком. А потом пришла депрессия, накрыла с головой за две недели до свадьбы.

– Я сам себя не понимаю! – закрыв лицо лапками, прошептал Хьюго, – Я так сильно ее люблю!

– Эй, – Мышь положила лапку на одну из лап паука на цветастой скатерти, – Все будет хорошо, малыш! У меня есть кое-какие соображения на этот счет. Опиши-ка мне свою Блэки.

Улыбка озарила лицо Хьюго: – О! – прошептал он, – Она – чудесная! Видела бы ты, как ловко она плетет сеть! – Хьюго покачал головой и звонко щелкнул языком, – А как она готовит комариный коктейль! Сказка!

– Ты говорил, она маленькая и черная?

– Да, такая миниатюрная и ловкая, как никто другой на целом свете! Я никогда не видел такого черного цвета, она блестит, как черный алмаз, манит как осеннее ночное небо! Ее лапки стройные и цепкие... Видела бы ты как она плетет паутину!

– Понятно, – сказала Мышь одобрительно, – Есть у нее здесь родственники?

– Нет, – ответил Хьюго, – Их разлучили. Это грустная история. При разгрузке в одном из северных портов вся ее семья пропала.

– Угу, – Мышь почувствовала себя героем детективных рассказов, проникательным сыщиком в погоне за уликами, – Говорила ли она что-нибудь про своего отца?

– Она не любит об этом вспоминать...

– Ясно... Скажи-ка мне, а есть ли у нее, – она на секунду замялась, – Ну такое... Красное... (О, боже, дай мне силы!) Есть ли у нее красное пятно на брюшке?

– О, да, – ответил Хьюго, – Есть. Ярко красное на черном... Но почему ты спрашиваешь?

– В виде песочных часов? – уточнила Мышь.

– Откуда ты знаешь? – спросил Хьюго. По лицу пробежала тень недоверия.

– О, малыш, я – старая Мышь, когда-то блиставшая в высшем свете Парижа, – сказала Мышь с грустной улыбкой на лице, – Я знаю так много, что половины забытого мной хватило бы для нормальной жизни всех жильцов этого дома, – лукавая улыбка заиграла на ее мордочке, – Думаю, мне еще придется встретиться с твоей невестой.

– Но зачем?

– Чтобы помочь тебе, малыш.

– Как ты можешь помочь мне? – вскричал Хьюго, сделав ударение на слове «ты», – И зачем тебе это?

– Видишь ли, – сказала Мышь, доливая чай в кружку Хьюго, – Я понимаю твое недоверие. У нас обоих в жизни появилась большая проблема. Так? – спросила она, и не дожидаясь ответа, кивнула сама себе, и продолжила: – Мы сами не можем ее решить. До сегодняшней встречи я понятия не имела, как мне с этой проблемой справиться и как с ней дальше жить. Теперь знаю. Тараканы должны трепетать, лишь услышав мое имя! Ты, Хьюго – тот единственный, кто может помочь мне проучить их. А я могу помочь тебе. Главное, – она подняла вверх палец, – я думаю, что знаю, как.

Паук внимательно слушал Мышь, слова обволакивали исстрадавшуюся душу, и впервые за несколько дней он почувствовал себя лучше. Далеко на горизонте, еще слабый, едва нарождавшийся, забрезжил лучик надежды. Хотя Хьюго и не понимал, откуда Мышь знает такие подробности про Блэки, и как она может ему помочь, если он и сам не понимает, что с ним происходит, он, почему-то ей поверил.

– У нас мало времени, малыш. Надо что-то делать! – Мыши не терпелось действовать.

– Ну уж нет! – решительно сказал Хьюго, стукнув кулаком по столу, – Так не пойдет! Прежде ты все расскажешь мне. Если на самом деле знаешь, о чем говоришь, а не ломаешь тут жалкую комедию в стиле «Ах я такая просвещенная и добродетельная самаритянка!» – глаза Хьюго сверкали.

– Вот такой Хьюго мне нравится! – воскликнула Мышь, – Тебе определенно идет воинственный настрой и нам это в дальнейшем пригодится. Точно готов услышать всю правду?

Хьюго кивнул так решительно, что стукнулся подбородком о грудь.

– Ладно. Слушай, – Мышь отпила немного чая, не спеша и вдумчиво, дабы оттянуть неприятный момент и, наклонившись к Хьюго, и глядя ему в глаза, как удав на кролика, прошептала: – Твоя невеста – черная вдова!

Стены не обрушились, мир устоял, но в голове у Хьюго все тут же встало на свои места. Он тоже отпил чая, почесал лапкой затылок, и опустил взгляд вниз на скатерть с крупным орнаментом из георгинов. Багровые лучи солнца из окна на удивление тонко играли с рисунком на скатерти. Головки цветов казались объемными и реальными, почти колыхались от ветра.

– Ты знаешь, что это значит? – участливо спросила Мышь, – Мне объяснить?

– Не нужно, – буркнул Хьюго, – Теперь понятно, почему я так мучаюсь.

– Инстинкт?

– Он, проклятый, – ответил Хьюго, и тяжело вздохнул, – Но... ты уверена?

– В том, что это инстинкт? – спросила Мышь.

– О господи, Мышь! – сердито сказал Хьюго, – Про Блэки?

– Все сходится, малыш...

– Ладно, – махнул рукой Хьюго.

Возникла неловкая пауза. Она всегда появляется в такие моменты, эта глупая девочка. Стоит и хлопает глазами, будто вот-вот разревется.

– Иди отсюда, глупышка, – шепотом попросила ее Мышь и кивнула головой на окно. Ведь все знают, неловкие паузы не пользуются дверьми. Та в ответ пожала плечами, такими худыми, что казалось, рубашка вот-вот соскользнет с них на пол, и всем тогда станет еще неловче, посмотрела на Хьюго, потом на Мышь и мелкими шажками двинулась к окну. Когда она перевалилась через подоконник в сад, Хьюго покачал головой в недоумении и прошептал: – Моя любимая – черная вдова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.